

ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

О.А. СЕТЬКО

*(УО «Могилевский государственный областной лицей №1»
Могилев, Беларусь)*

УДК 821.161.1-1

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-021

«ПОЛЬСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы развития «польского текста» русской литературы; кратко анализируются произведения авторов XIX в., а также рубежа XIX-XX вв.; описаны истоки автобиографических мифов ряда писателей первой половины XX в.; приведены примеры художественного стереотипа Польши и поляков в произведениях русских писателей; польские компоненты представлены в проблеме культурного самоопределения ряда русских поэтов первой половины XX в. Польская тема звучит в русской литературе с XII века. На протяжении столетий сохраняется тенденция негативного изображения поляков. В литературе рубежа XIX – XX вв. польская тема обогащается новыми смысловыми гранями: в «польском» русские писатели начинают ценить индивидуальное изящество, эстетическую свободу, стиль; степень идеологической ангажированности писателей в отношении польской темы понижается. В разножанровых произведениях писателей первой половины XX века И. Бунина, А. Ремизова, И. Бабеля, В. Хлебникова, В. Ходасевича, М. Цветаевой, воспринимавших Польшу как особое мифопоэтическое культурное пространство, отразились общие тенденции эволюции «польского текста», индивидуальные варианты его рецепции, связанные с персонально окрашенным восприятием Польши и поляков. Главной особенностью в разработке польского культурного материала становится тенденция к мифопоэтическому переосмыслению польских историко-культурных реалий, образов и мотивов, также «польский текст» отразился в автобиографических мифах русских писателей первой половины XX века.

Ключевые слова: «польский текст», автобиографический миф, национальная самоидентификация, художественный стереотип, мифопоэтический аспект.

История научного изучения польско-русских литературных связей началась сравнительно недавно. Первые исследования о связях польской и русской литератур появились во второй половине XIX в. и связаны с именами А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича, А. Брюкнера и др. Ученые придерживались мысли, что польская литература – художественное достояние государства, утратившего политическую и национальную самостоятельность, но продолжающего жить в сфере искусства. О взаимовлиянии русской и польской литератур исследователи в XIX в. практически ничего не писали, поскольку «политическая целесообразность» вынуждала считать, что «польская и русская литературы не встречались и мало знали друг друга, как мало знают и до сей минуты» [Пыпин 1880: 706-707].

Научный интерес к польской теме в литературоведении настоящего прорубился лишь в 1960-е годы. В поле зрения исследователей попадают польская лингвистика, история, литература, музыка, живопись, постепенно складываются предпосылки к созданию более или менее объемной картины влияния польской культуры на русскую. В начале XXI в. в статьях, посвященных польско-русским литературным отношениям, рассматриваются текстологические аспекты этого взаимодействия, обнаруживаются общие для произведений русской и польской литератур культурные источники. На рубеже XX–XXI вв. в русской литературе оформилось особое семантическое и семиотическое пространство – «польский текст». Это явление было подготовлено эстетическим «переворотом», совершенным русской культурой на рубеже XIX – XX вв. под влиянием европейского модернизма.

Очевидно, что в русской литературе интерес к польской теме не только не ослабевает, но значительно возрастает, хотя интерпретируется эта тема с разных идейно-эстетических позиций. Содержательное наполнение категории «польского текста» нельзя свести к «польской теме» или «образам поляков» в русской литературе. Речь идет о сложных процессах осмысления русскими писателями «польскости» как важного компонента общеславянской ментальности [Хорев 2005], одновременно соприродного «русскости» и конфликтного по отношению к ней.

За столетия существования в русской литературе сложился корпус текстов, в которых отразились этапные моменты развития польской темы и трансформации ее в «польский текст».

В XII – XVII вв. собирательные образы Польши и поляков встречаются в летописных повествованиях («Повесть временных лет» и др.), агиографических («Житие Моисея Угрина» и др.) и иных произведениях. Общий негативный тон изображения объясняется постоянными военными конфликтами между Польшей и Русью того времени, а также конфессиональной конфронтацией, которые способствовали созданию в древнерусской литературе образа врага-поляка, иноверца, чужого.

Знаковое для развития польской темы противостояние протопопа Аввакума и богослова С. Полоцкого (XVII в.) заключалось в выборе дальнейшего пути развития Русского государства: по пути национальной индивидуальности либо по западному образцу. Глава старообрядцев Аввакум боролся за сохранение старой веры и традиционного русского уклада жизни. Воспитатель царских детей, С. Полоцкий писал на русском, польском и латинском языках, использовал приемы католического богослужения в православной проповеди, разработал проект Московской академии по примеру западноевропейских университетов, организовал первую свободную от церковной цензуры типографию и т. д. Несмотря на успехи при дворе, западная, прокатолическая направленность деятельности С. Полоцкого не была популярна.

В XVIII в. русская литература, ориентируясь на западные образцы, активно пополняется переводными произведениями, в том числе польскими, однако значимого развития польской темы не наблюдается.

В XIX в. в происходит всплеск интереса русских писателей к Польше, что во многом обусловлено обострением политических отношений (польские восстания 1830 и 1863 гг., с одной стороны – и имперская политика русификации, с другой). Бывшая много веков врагом Руси-Московии, Польша в XVIII – XIX вв. входит в состав Российской империи. Исторические события (раздел Речи Посполитой, присоединение к Империи польских земель, польские восстания и т. д.) приводят к тому, что русские писатели начинают художественно осмысливать и интерпретировать образ Польши, детали и подробности ее истории и культуры.

В прозе А. Бестужева-Марлинского («Вечер на Кавказских водах в 1824 году», «Наезды» и др.), несмотря на критическое отношение

автора к польскому восстанию, развивается мысль о вненациональном характере добра и зла, что инициирует непредвзятое отношение к польскому народу.

В стихах А. Пушкина польский мотивно-тематический комплекс («Графу Олизару», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и др.) иллюстрирует приверженность поэта имперской идее. Пушкин признает в поляках не врага («кичливый лях»), а родственный народ, с которым можно по-братски решить политический конфликт.

Н. Гоголь избегает упоминания о своих корнях и лишь в некоторых письмах признается в равной принадлежности одновременно культуре России и Малороссии. Польское в его творчестве соотнесено с мотивом «инога»: образы панночек связаны с мистическим началом, их красота губительна (исключение составляет утопленница из рассказа «Майская ночь...»). Мотивно-тематический комплекс, связанный с Польшей, переплетается с мотивом двоемирия.

В рассказе В. Даля «Подольянка» поляки изображены как чисто-сердечные, благородные, мужественные и красивые люди, которые отличаются от других жителей Подолья аккуратностью, изяществом. Даль частично использует уже сложившийся в русской литературе канон изображения поляков гордыми и спесивыми, однако в целом он отступает от схематической, официальной идеологической традиции изображения поляков коварными соседями.

В повести Ф. Достоевского «Записки из Мертвого дома» герои польского происхождения амбивалентны, дурные черты гармонизированы хорошими, а болезненное самолюбие поляков оправдывается разлукой с родиной. Достоевский вносит в польский стереотип психологическую глубину, трагическую гордыню, неприспособленность к реалиям российской тюремной действительности. Создание образов героев-поляков в «Братьях Карамазовых» повлекло за собой обвинение Достоевского в полонофобстве.

Сочувствие полякам – итог размышлений и духовной работы Л.Н. Толстого: в романе «Война и мир» он пишет о безрассудной готовности поляков погибнуть, лишь бы быть увиденными Наполеоном. В рассказе «За что?» автор рисует трагедию польских повстанцев; жертвами жесткой политики Николая I поляки предстают в эпизоде повести «Хаджи-Мурат».

Таким образом, в русской литературе XIX века сформировался художественный стереотип поляков:

1) обостренное чувство собственного достоинства, самолюбие, гордость и надменность;

- 2) осознание своей исключительности, «инаковости»;
- 3) подчеркнутый аристократизм;
- 4) бунтарский («сарматский») дух, апогей которого – революционная одержимость.

Этапным в развитии польской темы в русской литературе можно считать рубеж XIX–XX вв., который принес эстетическую переориентацию на европейский модернизм и тематическое обновление. Кроме того, именно в этот период русская литература освобождается от идеологической ангажированности, которой была отмечена в эпохи Николая I и Александра II, и приобретает самостоятельность. Культурный диалог польского и российского модернизма рубежа XIX–XX вв. обусловил специфику развития «польского текста» первой половины XX века.

Для многих русских поэтов и писателей этого периода польская тема становится неотъемлемой частью творчества: А. Ремизов, В. Ходасевич, М. Цветаева, Ю. Олеша, И. Бунин вплетают польскую тему в автобиографический миф, при этом А. Бунин, А. Ремизов, а также И. Бабель, В. Хлебников не только следуют мифопоэтическим традициям в изображении польских характеров, но и расширяют сложившийся канон (Бунин – соединяя пушкинско-толстовскую линию с персональной польской генеалогией; Ремизов – создавая мифопоэтическую систему польских героев, обрамляющих автобиографический миф; Бабель – интерпретируя польское пограничье как «иномирную» территорию; Хлебников – развивая уже существующий в литературе образ М. Мнишек).

Традиционный подход и авторский (романтический и мифопоэтический) аспект польской темы представлен в произведениях И. А. Бунина. Польша, как и все польское, имеет для писателя особое значение. В бунинском автомифе становится активным мотив дворянского, польского происхождения рода Буниных. Следуя традиции изображения поляков болезненно гордыми и надменными, фанатичными и одержимыми, Бунин значительно углубляет и усложняет психологию образов, наделяет своих героев как яркими авторскими чертами, так и узнаваемыми, литературно маркированными, чертами польского характера. Авторское видение польской ментальности реализовано в рыцарском мифе (роман «Жизнь Арсеньева»), крайностях характера героев (рассказы «Казимир Станиславович», «Петлистые уши» и др.), мотиве бунта (герои-поляки в романе «Жизнь Арсеньева» поют революционные песни и жаждут изменить, преобразовать историческую действительность), обяза-

тельном акценте на аристократизм, утонченность, культурную развитость (героини-польки напрямую либо опосредованно связаны с миром искусства), мистицизме. В произведениях Бунина немало образов красавиц-полек, мечущихся между любовью и ненавистью, жизнью и смертью. Соответствуя сложившемуся стереотипу (возлюбленная чужестранка, несущая страдания или смерть находящимся рядом мужским персонажам), польки отличаются от остальных женских персонажей писателя особенной, часто порочной красотой, загадочностью, мятежным духом и гордостью. К числу таких героинь относятся Мария Сосновская («Дело корнета Елагина», 1925), восходящая к пушкинской традиции изображения прекрасной коварной польки (Марина Мнишек); Галя Ганская (одноименный рассказ 1940 г.) – девушка-праздник с глубоким трагическим надломом в душе; воронежская аристократка Станкевич (рассказ «Натали», 1941), следующая идеальному польскому кодексу чести; Макс Ли-Ковальская («Генрих», 1940), создающая любовный треугольник и играющая со смертью.

И. Бабель в книге «Конармия» предлагает оригинальную авторскую интерпретацию польского мира и событий советско-польской истории, доминантами которого становятся традиционные для русской литературы мотивы дороги (странствий), преодоления препятствий, пограничья, смерти. Дорогой, связывающей территориальное и этнокультурное пограничье Польши и Малороссии, открывается описание похода Конармии. Река Збруч (в 1920-х гг. – советско-польская граница) становится первым преодоленным конармией препятствием. В мифопоэтической традиции река – это граница между мирами мертвых и живых. Акцентируя внимание на пограничности, Бабель придает картине переправы метафорический смысл. Художественная модель советского мира наполнена моральными символами (солнце – отрубленная голова; тонущие в р. Збруч красноармейцы; погибшие евреи; кладбище и др.) Мотив разрушения в «Дневнике 20-го года» и книге «Конармия» является основным: разрушенный Новоград, описание разоренных жилищ и храмов, смешение сниженно-бытовых деталей жизни (шкафы, посуда и т.д.) с сакральными (культовые принадлежности) символизируют уничтожение старого мира.

В интерпретации Бабеля польская культура и история наполнены грубым натурализмом и одновременно торжественной возвышенностью, библейскими мотивами и элементами приземленного эротизма как одной из тенденций русской прозы. В представлении

И. Бабеля Польша и приграничные ей районы являются метафорическим рубежом миров, окрашенным в цвета гражданской войны, которая несет «иные» законы бытия – первобытные, звериные, наполненные сакральным смыслом.

Согласно версии А. Ремизова, знакомство с поляками положило начало его увлечению польской культурой, польским символизмом. Позже Ремизов поддержит и разовьет «литвинскую» семейную легенду С. Довгелло, а она приобщит писателя к белорусско-литвинскому фольклору – части польской культуры. В ссылке в польский круг Ремизова входят поляки: польско-зырянская семья Геллер (в изображении которой соединены два мира – близкий к первобытному зырянский с разоренным капищем у дома и польский, мистически-колдовской), политические ссыльные из Вильны пан Ян и пан Анжей, Б. Савинков, И. Каляев и др. Одним из ключевых для прочтения «польского текста» Ремизова становится понятие «польская душа», раскрываемое через ряд концептов: речь («трыки» и «цап», «вылет», «гавк», «камень»), эталонный польский трагизм, склонность к мистическому мировосприятию, бунтарский дух и др. Ремизов вводит польскую модернистскую драму (С. Пшибышевский) в российский театральный оборот. Он видит и чувствует польскую литературу как одну из ближайших русской, созвучную и потому понятную русской душе, однако при этом являющуюся частью европейской.

В польском контексте особый интерес представляет поэма В. Хлебникова «Марина Мнишек». Героиня сравнивается со своими литературными предшественницами: А.С. Пушкин в драме «Борис Годунов» (1825) изображает М. Мнишек странной красавицей, одолеваемой честолюбием; в драме «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866) А. Н. Островского определяющая характеристика образа – женственность и осознание шаткости своего положения, желание упрочить будущее и презрение к простонародной невоспитанности Лжедмитрия. В. Хлебников смягчает негативные коннотации, предлагая в качестве контекста к образу Марины детскую чистоту героини, прямолинейность, желание творить добро и приносить пользу, решить вековой спор расколотого христианства. Хлебников не поддерживает линию о ментальных различиях поляков и русских: к началу XX в. этот аспект уже не был актуален, и панславянские идеи поэта также предполагали «примиряющую» модель творчества. Поэт изображает картину Смуты, в которой прочитывается призыв к объединению славян: чистая польская дева

Марина, в сердце которой рождается идея примирить Восток и Запад, становится первой русской коронованной царицей. Созданный В. Хлебниковым образ Марины Мнишек уникален тем, что сочетает в себе одновременно черты мифологичности, поэтичности, сентиментальности, полемичности и подражательности.

Один из символов литературного творчества русской литературы рубежа XIX – XX вв. – автобиографический миф, сопряженный у ряда авторов (Ю. Олеша, В. Ходасевич, М. Цветаева) с польской темой. Особенность автобиографического мифа, понимаемого как художественная самопрезентация автора, заключалась в стремлении мифологизировать жизнь, преобразовать ее по законам искусства.

Ю. Олеша в течение многих лет создавал авторскую версию судьбы. Существует предположение о компенсаторной функции мифа: возможно, акцентируя внимание на польской родословной, писатель оправдывал свою «инаковость» и творческое бездействие [Беляков 2001]. Однако польская генеалогия обнаруживается только со слов самого писателя, в воспоминаниях о детстве и в качестве упоминания в статьях некоторых друзей (В. Катаев, Д. Маркиш, И. Панченко). Достоверных документальных свидетельств о знании Ю. Олешей польского языка на сегодня нет, что подкрепляет версию об автомифе.

Одним из пунктов автомифа Ю. Олеша является вхождение в литературу под польским знаком: первая пьеса («Маленькое сердце») была написана в подражание С. Пшибышевскому. Ключевые герои Олеша также отмечены «польским» знаком: образ девочки-куклы Суок выстроен по схеме польских народных верований о кукле Аглае; фамилия Кавалерова, героя романа «Зависть», имеет польские корни (одинокый, бесплодный), а сам образ можно рассматривать как символ старого мира, связанный с культурным (рыцарским) наследием Европы, с которой писатель отождествлял в первую очередь Польшу. В романе «Три толстяка» присутствует скрытая метафора – ностальгия по никогда не виденной вживую родине: в описании сказочного города узнается Краков. Символично, что первым иллюстратором сказки стал Мстислав Добужинский, русский художник, потомок древнего литовского рода – это творческое сотрудничество могло символизировать культурную связь с утраченной прародиной.

Польские компоненты представлены в проблеме культурного самоопределения ряда русских поэтов первой половины XX в.

Анализ ряда стихотворений В. Ходасевича, а также его мемуарной прозы показал, что основой автомифа поэта становится осознание собственной межкультурности (невозможность этнической

самоидентификации), драматизация жизни с поэтическим признанием в России мачехи и неопределенным статусом Польши. Переняв от символистов идею неразрывной связи судьбы и творчества художника, В. Ходасевич иллюстрирует свой автобиографический миф польско-литвинскими мотивами происхождения и настаивает на мистической связи с землей и культурой предков. Вхождение В. Ходасевича в литературу состоялось под польским знаком: псевдоним Сигурд заимствован из драмы З. Красинского «Иридион», а вершина поэтического Олимпа отдана А. Мицкевичу, под знаком которого пройдут годы эмиграции, ведь Ходасевич частично повторит путь польского поэта – будет жить в Берлине, Риме и Париже.

В творческом наследии М.И. Цветаевой «польский текст» ярче всего проявляется в попытках национальной (польская генеалогия), психологической (этническая характерология) и эстетической (поэтическая родословная) самоидентификации. В разные эпохи М. Цветаева одинаково эмоционально отстаивает право собственной причастности немецкой культуре, еврейской и польской. При этом немецкая культура – это напоминание о матери и юности, а перспектива найти общие точки с еврейством для Цветаевой означает возможность обозначить свою непохожесть на окружающих.

Важным компонентом цветаевского автомифа становится образ Марины Мишек: в нём удачно совпали ценный поэтом стереотип непокорной польской ментальности и биографическая параллель – имя. В основе образа – стереотипные для культурно-исторического дискурса черты, отмеченные ещё Н. Карамзиным и А.С. Пушкиным: надменность, гордыня, красота, честолюбие. Однако поэт наделяет свою героиню и авторскими чертами: цветаевской Марине присущ бунтарский дух. Образ Марины Мишек в лирике Цветаевой неоднозначен, он изменяется: из красавицы-жертвы она превращается в коварную, лишённую добрых чувств предательницу – Лжемарину.

В 1941 г. Цветаева переводит стихи польских евреев. Этот последний труд связан с тоской, предчувствием близкого конца, унижением поэтического и человеческого достоинства. Однако, несмотря на дискомфортную, не-творческую атмосферу работы, происходят и поэтические открытия.

Характерно, что попытки этнического самоопределения завершатся выбором польского как своего, и польская тема окажется в творчестве М. Цветаевой органично вплетённой в тему Москвы и России.

Таким образом, польская тема звучит в произведениях русской литературы начиная с XII века. На протяжении столетий сохраняется тенденция негативного изображения поляков, и лишь в литературе рубежа XIX–XX вв. польская тема обогащается принципиально новыми смысловыми гранями. В «польском» русские начинают ценить индивидуальное изящество, эстетическую свободу, стилевую «нарядность». Степень идеологической ангажированности писателей в отношении польской темы понижается.

В разножанровых произведениях писателей первой половины XX века И. Бунина, А. Ремизова, И. Бабеля, В. Хлебникова, В. Ходасевича, М. Цветаевой, воспринимавших Польшу как особое мифопоэтическое культурное пространство, отразились и общие тенденции эволюции «польского текста», и индивидуальные варианты его рецепции, связанные с персонально окрашенным восприятием Польши и поляков. Главной особенностью в разработке польского культурного материала становится тенденция к *мифопоэтическому* переосмыслению польских историко-культурных реалий, образов и мотивов, также «польский текст» отразился в автобиографических мифах русских писателей первой половины XX века.

Итак, «польский текст» в русской литературе первой половины XX века проявился как особый сюжетно-тематический и идейно-стилевой комплекс, отражающий индивидуальное восприятие писателями польской культуры и связанных с ней персонально значимых для каждого из них «знаков и символов», т.е. основных образных ресурсов мифопоэтики.

ЛИТЕРАТУРА

Беляков, С. Хороший плохой писатель Олеша / С. Беляков // Урал, 2001. – № 9. – [Электронный ресурс]: http://magazines.russ.ru/ural/2001/9/Ural_2001_09_14.html – Дата доступа: 3.12. 2012.

Пыпин, А.Н. Польский вопрос в русской литературе / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1880.– № 4. – С. 686 – 709.

Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов: имаголог. Очерки / В.А. Хорев; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 2005. – 232 с.

Статья рекомендована д.ф.н., доц. Н.Л. Блищ